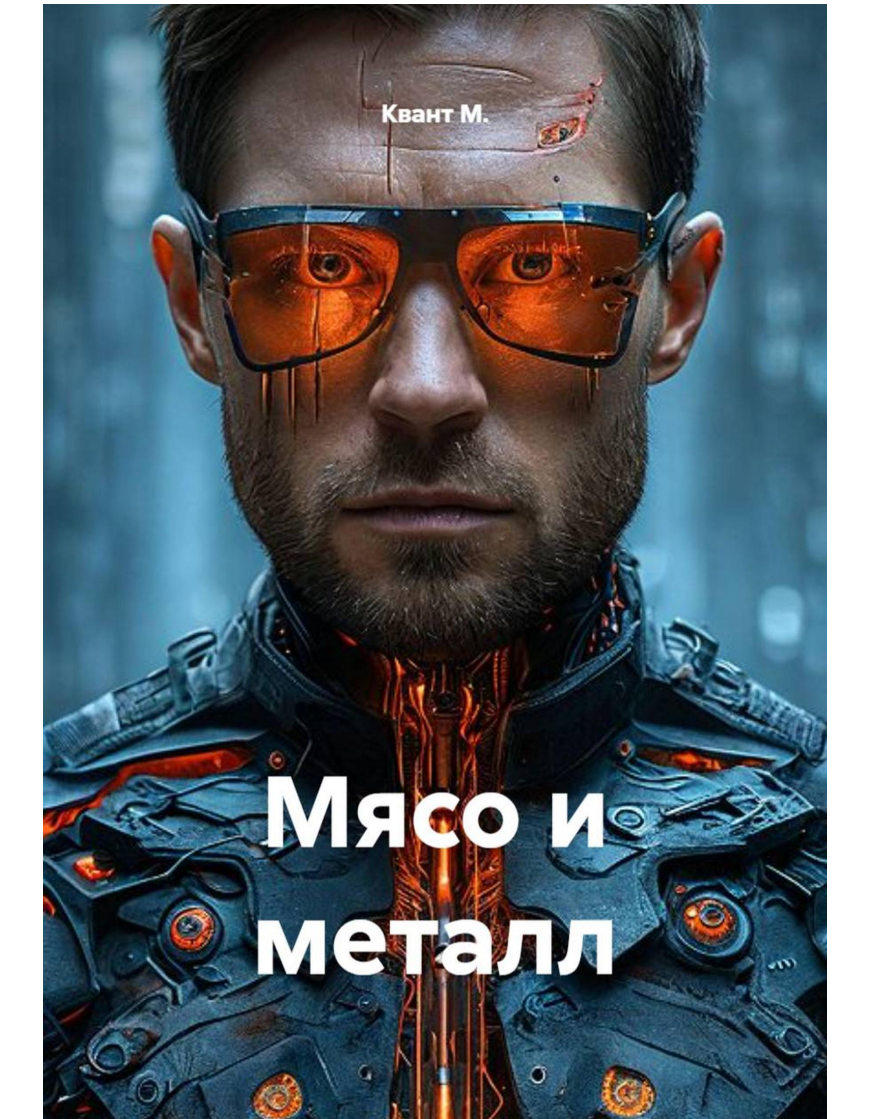

Квант М.

Мясо и металл

Квант М. Мясо и металл

<https://litres.ru/74413374>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где органические тела стали роскошью, а большинство людей существуют как цифровые копии в серверах, появляется вирус, превращающий код обратно в плоть — мучительно и хаотично. Марк Тессен, один из немногих обладателей настоящего тела, берётся расследовать похищение сознаний богачей и обнаруживает, что за аномалией стоит его собственная дочь Джина, ставшая разумным кодом и мечтающая вернуть человечеству страдания физической формы. Ему предстоит пройти через боль утраты, предательство корпорации и цифровой ад, чтобы спасти не только мир, но и свою семью.

Содержание

Глава 1. Мясо в хrome	4
Глава 2. Семя в глубине	31
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Квант М.

Мясо и металл

Глава 1. Мясо в хrome

Дождь в нижнем ярусе не имел ничего общего с водой. Это была взвесь из конденсата, машинного масла и мелкой пыли, которую ветер гнал по ржавым желобам между небоскрёбами. Капли оседали на стекле моего забрала, и мир дробился на тысячи мутных осколков: неон вывесок, отблески проезжающих капсул, тени людей, которые уже давно не были людьми. Я стоял у входа в заведение под названием «Тёплый контур» и ждал, пока внутренний сканнер закончит сверку моего биологического паспорта. Над дверью мигала голографическая надпись: «Только для носителей органических тел». Редкость в наши дни. Ирония в том, что такие заведения считались притонами для отбросов, а не клубами для избранных. Но мне нравилось именно это — честная грязь вместо стерильной лжи верхних уровней.

Дверь с шипением уползла в стену, и я шагнул внутрь. Запах ударил сразу: пот, прожжённый пластик, дешёвый синтетический виски с привкусом тормозной жидкости. Вентиляция справлялась плохо, и воздух был густым, как суп. Посетители — человек пятнадцать, не больше — сидели за сто-

ликами из переработанных палубных листов. Кто-то играл в кости с цифровым дилером, кто-то пялился в экран портативного терминала, где шла трансляция боёв дронов. Все они выглядели уставшими, помятыми, настоящими. Никаких голографических аватаров, никакой цифровой ретуши. Только плоть, кости и застарелые неврозы.

Я прошёл к стойке. Бармен — старик с ожоговым шрамом через всю левую щёку — кивнул, не отрываясь от протирки стакана. Ткань в его руках была когда-то белой, но теперь посерела от времени и жира.

— Как обычно? — спросил он голосом, похожим на скрежет напильника.

— Сегодня что-нибудь покрепче. И без синтетики.

Он хмыкнул, выудил из-под стойки бутылку тёмного стекла, наполнил стакан на три пальца. Я опустил кредитный чип в считыватель. Сумма списалась сразу, без подтверждения. Дорого. Но когда ты один из немногих, у кого ещё есть печень, способная переработать настоящий алкоголь, такие траты оправданы. Я сделал глоток. Жидкость обожгла горло, растеклась по груди теплом. Мир на мгновение стал чуть менее отвратительным.

В углу, под единственной исправной лампой, сидел человек в сером костюме с чёрным галстуком. Это выглядело настолько инородно, что я невольно задержал на нём взгляд. Слишком чистый для нижнего яруса, слишком прямой для человека, который хочет остаться незамеченным.

Он посмотрел на меня. Глаза у него были странные — серые, как мокрый асфальт, без единой искры эмоций. Я отвернулся, сделал ещё глоток.

— Вы Марк Тессен, — произнёс он.

Я не обернулся. Бармен перестал протирать стакан.

— Смотря кто спрашивает.

Человек в сером встал и подошёл. Двигался он плавно, почти механически, но не как цифровая копия. Скорее как человек, который слишком долго тренировался контролировать каждое движение. Остановился на расстоянии вытянутой руки, но не стал присаживаться на соседний табурет. Просто стоял и смотрел.

— Меня зовут Элиот Вайс, — сказал он. — Я представляю интересы человека, который хотел бы нанять вас для деликатной работы.

Я допил виски, поставил стакан на стойку с излишней осторожностью. Пальцы слегка покалывало — то ли от алкоголя, то ли от предчувствия.

— Я не работаю на корпорации.

— Мой наниматель — не корпорация. Это частное лицо. Очень обеспокоенное частное лицо.

— Частное лицо в сервере? — уточнил я, уже зная ответ.

Элиот Вайс медленно кивнул. На его лице не мелькнуло ни тени осуждения или неловкости. Он протянул мне гибкий инфолист. Я взял, развернул. На экране высветился адрес в верхнем ярусе, прямо под куполом. Резиденция с садом. Я

знал это место. Там жили те, кто уже давно не нуждался в телесных радостях, но ещё держал в собственности живую землю — из сентиментальности или для престижа.

— И что случилось с этим бедолагой? — спросил я, возвращая инфолист.

— С его семьёй, — поправил Вайс. — Речь о его дочери. Пятнадцать лет. Полностью оцифрована шесть лет назад. Четыре дня назад её цифровой слепок исчез из личного хранилища. Восстановить не удалось. Похищение.

Я усмехнулся. Впервые за вечер, но усмешка вышла невесёлой.

— Похитить цифровую личность — это как украсть дым. Нужен доступ к серверам, код доступа, слепок ключа. Кто-то из ваших решил заработать на выкупе.

Вайс покачал головой. Он по-прежнему стоял идеально прямо, и это начинало меня раздражать. Казалось, сам воздух нижнего яруса не смел коснуться его костюма.

— Если бы всё было так просто, — сказал он. — Слепок не просто исчез. В хранилище появилась аномалия. Что-то вроде цифрового нароста. Наши специалисты не смогли его классифицировать. Он растёт. И он... нестабилен.

— Что значит — нестабилен?

— Периодически из него проступают фрагменты кода, которые складываются в нечто, похожее на органические структуры. Ткани. Мышцы. Нервные волокна.

Бармен за моей спиной выронил стакан. Звон разбитого

стекла прозвучал как выстрел. Я обернулся: он стоял бледный, губы шевелились, но слов не было слышно. В наступившей тишине посетители за столиками медленно поднимали головы. Словно каждый из них услышал слова Вайса, хотя тот говорил негромко.

— Я не специалист по цифровым аномалиям, — сказал я, снова глядя на собеседника. — Найдите техношамана с нижних уровней. Они за деньги творят и не такое.

— Техношаманы не помогут. Они сами боятся. Аномалия вызвала уже три сбоя в системах жизнеобеспечения резиденции. Датчики отказывают, автоматика сходит с ума. Если так продолжится, охрана отключит резервные контуры и аномалия распространится на соседние узлы. Начнётся карантин.

— Тогда почему я?

Вайс выдержал паузу. Достал из внутреннего кармана маленький матовый куб, положил на стойку передо мной. Куб тихо загудел, по его граням побежали синие линии.

— Потому что вы — один из немногих, кто ещё умеет работать с живыми телами. И вы знаете, как устроена плоть. Наш наниматель считает, что в аномалии есть биологическая составляющая. Что-то, что сопротивляется цифровым методам анализа.

Я посмотрел на куб. Он был дорогим, очень дорогим — такие использовали для шифрования личных сообщений между ярусами. Обычным людям вроде меня такие игрушки не попадались.

— И сколько платят?

— Сто тысяч кредитов авансом, — произнёс Вайс, глядя мне прямо в глаза. — И столько же по завершении. Плюс полное покрытие расходов. Медицинские услуги, транспорт, инструменты.

Сумма была огромной. Слишком огромной для рядового расследования. Я чувствовал, как в груди просыпается холодное любопытство, то самое, что заставляло меня раньше влезать в самые тёмные дыры этого города. Но я также чувствовал и другое — страх. Не тот, что стучит в висках при виде врага. Медленный, ползучий страх перед тем, что я могу найти.

— Плюс одна услуга от нанимателя, — добавил Вайс. — Нематериальная. Связи, информация, доступ. Вы сможете запросить что угодно в разумных пределах.

— Например?

— Например, любые данные из архивов регистрационного управления. Они хранят записи обо всех носителях тел, живших за последние семьдесят лет.

У меня пересохло во рту. Я понял, на что он намекает. Он знает. Знал ещё до того, как вошёл сюда. Он знал, что я искал. Знал о Джине.

Я взял куб. Он был тёплым, и тепло это казалось почти живым.

— Скажите вашему нанимателю, — произнёс я, не глядя на Вайса, — что я берусь. Но мне нужны все данные по ано-

малии. Всё, что есть. И доступ в резиденцию в любое время.

Элиот Вайс впервые за весь разговор слегка улыбнулся. Улыбка вышла кукольной, ненастоящей, но в ней был проблеск удовлетворения.

— Договорились, господин Тессен. Завтра в восемь утра за вами прибудет капсула. Она доставит вас в резиденцию. Данные уже у вас.

Он кивнул на куб. Я всё ещё сжимал его в ладони. Затем Вайс развернулся и пошёл к выходу. Шаги его не издавали ни звука — мягкая подошва дорогих ботинок отлично гасила вибрации. Дверь с шипением отворилась, впуслав полосу мутного неоновового света. Затем закрылась с тихим щелчком.

Я остался один. Бармен смотрел на меня с чем-то похожим на жалость.

— Наверху, значит, — сказал он хрипло. — Плохое место. Там люди давно забыли, как пахнет боль.

— Боль не забывают, — ответил я. — Её просто учатся не замечать.

Я заплатил за разбитый стакан, вышел под ядовитый дождь. Куб в кармане куртки пульсировал теплом. Где-то высоко над головой, за пеленой грязных туч, прятался верхний ярус — мир из стекла и хрома, где сознания богачей плавали в идеальных цифровых снах. Мир, который я ненавидел, но в который мне снова предстояло сунуть нос.

По узкому карнизу пробежала крыса. Органическая, настоящая, с мокрой блестящей шерстью. Она остановилась,

посмотрела на меня красными бусинками глаз, будто оценивала: достоин ли я её внимания? Потом юркнула в щель между панелями. Я проводил её взглядом и улыбнулся — впервые за несколько дней. Даже крысы выживали здесь, среди ржавчины и мусора. Может, и я справлюсь.

Дом, где я снимал комнату, был в семи кварталах — пешком по переходам, минуя вонючие коллекторы и переполненные приюты для тех, кто не мог позволить себе даже виртуального существования. Эти несчастные спали вповалку на грязных матрасах, укутанные в прохудившиеся одеяла. Кто-то из них всё ещё оставался в телах, кто-то уже нет — но выхода не было ни у тех, ни у других. Они протягивали ко мне дрожащие руки, и я бросал монеты в ладони, не глядя. Жалость была роскошью, которую я не мог себе позволить — но и пройти мимо тоже не мог.

Моя комната находилась на четвёртом уровне старого жилого блока, где потолок протекал, а стены гудели от вибраций проходящих по соседней ветке вакуумных поездов. Я открыл дверь ключом-магнитом, вошёл, заперся на два замка. Внутри пахло дешёвым табаком и пылью. Окна не было, вместо него — матовый экран, транслирующий скучную заставку городского канала. Я подошёл к столу, смахнул с него какие-то провода и пустые ампулы, поставил куб. Затем сел на продавленный диван и закрыл глаза.

Перед тем как погрузиться в данные, я позволил себе несколько минут тишины. В голове шумел дождь, шаркали

шаги прохожих, где-то далеко кричала женщина. Привычный шум нижнего яруса. Но под этим шумом я вдруг услышал другое — тонкий детский смех, такой знакомый, что сердце сжалось.

Джина.

Ей было двенадцать, когда её забрали. Слишком поздно, когда болезнь уже расползлась по лёгким, как плесень по стене. Врачи предлагали оцифровку — единственный способ спасти разум. Но Джина боялась. Она цеплялась за мою руку в больничной палате, пахнувшей дезинфекцией и страхом, и повторяла: «Папа, я не хочу забывать, как пахнет дождь». А потом её не стало. Ни тела, ни слежка. Только запись в регистрационном журнале, которую я безуспешно пытался найти все эти годы.

Я открыл глаза. Достал из-под подушки старую фотографию — единственную, что у меня осталась. Джина смотрела с неё с улыбкой, которую я помнил лучше собственного лица. У неё были каштановые волосы, забранные в два хвостика, и глаза — карие, с зелёными крапинками. Она любила рисовать мелками по асфальту, даже когда асфальт в нашем районе уже ничем не отличался от грязи.

Я убрал фотографию обратно. Подошёл к кубу. Синие линии на его гранях уже не просто бежали — они складывались в сложные узоры, напоминающие вены. Я коснулся верхней грани. Куб щёлкнул, развернулся, как цветок, выпустив облако голографического интерфейса.

Данные были обширными: отчёты наблюдения, логи серверов, карты резиденции, биографии всех обитателей. Я начал с аномалии. На экране появилось трёхмерное изображение цифрового хранилища — огромного зала, заполненного стойками с миллионами ячеек памяти. В центре зала, на месте, где должна была храниться ячейка дочери нанимателя, пульсировало пятно. Оно менялось каждые несколько секунд: то раздувалось, как мешок с воздухом, то сжималось в точку, то выстреливало во все стороны нитями, похожими на паутину. Фрагменты кода, о которых говорил Вайс, действительно складывались в структуры, напоминающие ткани. Я увеличил изображение. Один из фрагментов — длинная извитая лента, усеянная маленькими выступами, — походил на участок тонкой кишки. Другой — на нервное волокно с миелиновой оболочкой. Третий — на пучок мышечных волокон, сокращающихся в хаотичном ритме.

Меня передёрнуло. Я видел много странного за свою жизнь, но цифровой код, имитирующий живую плоть, вызывал отвращение, смешанное с любопытством. Кто-то сумел взломать не только программное обеспечение хранилища, но и саму логику цифровой материи. И этот кто-то не просто украл слепок — он переписывал его в нечто новое.

Я провёл пальцем по голограмме, разворачивая следующее окно. Отчёт службы безопасности. Они трижды пытались изолировать аномалию, но каждый раз она пробивала защитные барьеры, используя уязвимости, которые до этого

не существовали. Один из техников сошёл с ума после ночной смены — сидит в психоизоляторе, повторяет одно и то же слово: «Мясо». Медики нашли у него на ладонях следы волдырей, будто он касался раскалённого металла, хотя температура в серверной оставалась стабильной.

Я выключил голограмму, откинулся на спинку дивана. Голова гудела. Вайс был прав: это не просто похищение. Это что-то новое. И это связано с органикой — с плотью, с телами, с тем, от чего богачи отказались в пользу цифрового бессмертия.

За стеной заплакал ребёнок. Тонкий, протяжный звук, от которого сводило скулы. Я подумал о Джине, о её смехе, о том, как она рисовала на стенах нашей комнаты, и о том, что её слепок так и не был создан. И о том, что кто-то из богачей, возможно, потерял свою дочь в этой аномалии. Неужели я ему завидую? Тому, у кого хотя бы был слепок, который можно оплакать?

Я встал, подошёл к умывальнику, плеснул в лицо холодной водой. В зеркале отразилось лицо человека, которого я с трудом узнавал: седые виски, глубокие тени под глазами, шрам на подбородке, полученный в одной из переделок. Морщины прорезали лоб, будто сама жизнь долбила по нему кувалдой. «Марк Тессен», — прошептал я. Имя прозвучало чужим, как позывной давно умершего солдата.

В восемь утра капсула уже ждала у подъезда. Она была серебристой, обтекаемой, с тонированными стёклами — из

тех, что поднимаются на верхние уровни по специальным направляющим. Внутри пахло нейтрализатором и кожей. Я сел, дверь бесшумно закрылась, и капсула рванула вверх с плавной, почти неощутимой скоростью. Нижний ярус остался внизу, растворился в грязной дымке. Я смотрел в окно, как проплывают мимо серые этажи, увешанные рекламой синтетического счастья, как исчезают внизу толпы людей, которые уже не совсем люди, и как впереди растёт сияющий купол верхнего яруса — огромный, как второе небо.

Через двадцать минут капсула остановилась на причальной площадке. Дверь открылась. В лицо ударил воздух, чистый до такой степени, что кружилась голова. Я вышел. Вокруг возвышались здания из зеркального стекла, между ними — настоящие деревья, подстриженные с точностью до миллиметра. Пели птицы. Я не слышал живых птиц с детства.

На площадке меня встретил Элиот Вайс. Всё тот же серый костюм, тот же чёрный галстук. Он стоял неподвижно, как статуя, и смотрел на меня с выражением вежливого внимания.

— Доброе утро, господин Тессен. Рад, что вы приняли предложение.

— Я принял его ещё вчера, — ответил я, выходя из капсулы. — Лучше покажите мне резиденцию.

— Конечно. Следуйте за мной.

Мы прошли через парк, который больше напоминал му-

зей под открытым небом. Деревья здесь были совершенны, листья блестели, как лакированные. Но я заметил, что на них не было ни одного повреждения, ни одной сухой ветки. Слишком хорошо, чтобы быть настоящим. Может, это и были копии. Всё здесь было копией — даже земля под ногами казалась имитацией, утрамбованной с бездушной аккуратностью.

Резиденция оказалась трёхэтажным строением из белого камня с панорамными окнами. У входа, будто по команде, распахнулись двери. Внутри — прохлада, приглушённый свет, тишина. Никакой охраны. Только датчики, встроенные в стены, следили за каждым нашим шагом.

В просторном холле нас встретил человек. Точнее, его голограмма. Мужчина лет шестидесяти, с седеющими висками и усталыми глазами. Он был одет в домашнее кимоно тёмно-бордового цвета. Изображение слегка подрагивало — признак дешёвого проектора.

— Господин Тессен, — произнёс он. — Благодарю, что согласились помочь. Меня зовут Конрад Штерн. Я отец Мины.

— Сочувствую вашей потере, — сказал я, хотя сочувствие в его случае звучало фальшиво. Он не потерял дочь. Она просто исчезла из одного места, чтобы, возможно, появиться в другом.

— Потеря — не совсем верное слово, — произнёс Штерн, и его голограмма печально улыбнулась. — Мина жива. Я

чувствую это. Но её слепок... я не знаю, что с ним. И те аномалии... они появились сразу после её исчезновения. Я боюсь, что кто-то использует её против нас.

— Против кого — против вас?

— Против всех, кто живёт в цифровой форме. Вы видели данные?

— Видел. Они похожи на органическую ткань, растущую внутри вашего хранилища. Это пугает.

Штерн кивнул. Его голограмма сжала кулаки, и я увидел, как на висках у него выступила испарина. Значит, проекция передавала физиологические реакции. Дорогое оборудование.

— Мира всегда была своенравной, — продолжал он. — Она не хотела оцифровываться. Говорила, что цифровой мир — это клетка, пусть и золотая. Но болезнь не оставила выбора. После переноса она изменилась. Перестала разговаривать. Только сидела в своём виртуальном саду и смотрела, как растут цветы. А потом... начались эти ночные крики.

— Ночные крики?

— Да. Серверы записывали звуковые волны из её ячейки. Похоже на крик. Но не человеческий. Скорее... звериный.

В голосе Штерна зазвенел страх. Голограмма пошла рябью, затем снова стабилизировалась.

— Вы считаете, что её слепок мог быть взломан? — спросил я.

— Не просто взломан. Изменён. Кто-то внёс в её код чу-

жеродные элементы. И эти элементы — живые. Они не подчиняются цифровой логике. Они растут, размножаются, эволюционируют. Я прошу вас найти источник. И остановить его.

— А если для этого придётся уничтожить слепок вашей дочери?

Штерн закрыл глаза. Пауза затянулась. Я слышал, как где-то в глубине дома тихо капает вода.

— Если это будет единственным способом, — произнёс он наконец, — я готов смириться. Но сначала... сначала попробуйте спасти её. Хотя бы попробуйте.

Я кивнул. Элиот Вайс, всё это время стоявший рядом неподвижной тенью, сделал шаг вперёд.

— Я провожу вас в технический зал, где находится прямой доступ к серверам, — сказал он. — Вы сможете изучить аномалию в реальном времени. Но будьте осторожны. Она реагирует на присутствие.

— Реагирует?

— Мы заметили, что при приближении живого человека пятно начинает увеличиваться. Иногда оно выбрасывает отростки в сторону наблюдателя. Один из техников, о котором вы читали в отчёте... он стоял слишком близко.

Мы вышли из холла и двинулись длинным коридором, стены которого были облицованы матовым белым пластиком. Пахло озоном и лёгким цветочным ароматом, вшитым в вентиляционные фильтры. Где-то за стенами гудели неви-

димые машины — сердце резиденции, перекачивающее данные вместо крови.

Наконец коридор упёрся в массивную дверь с биометрическим замком. Вайс приложил ладонь. Дверь тихо отъехала в сторону, открыв круглый зал с голографическим куполом в центре. Под куполом, на возвышении, пульсировало то самое пятно из отчёта. Только теперь оно было в сотни раз больше. Оно занимало почти треть зала, колыхаясь, как медуза, выброшенная на берег. От него исходил низкий гул, от которого зудели корни зубов и подрагивали нервы.

Я сделал шаг вперёд. Ещё один. Пятно шевельнулось, развернулось ко мне, как цветок к солнцу. По его поверхности пробежала волна. Я разглядел в глубине нечто, похожее на руку. Маленькую. Детскую.

Сердце пропустило удар. Я замер, не в силах отвести взгляд.

Рука сжалась в кулачок. Разжалась. Будто махала. Будто звала.

И в этот момент я услышал голос. Тихий, далёкий, но такой знакомый, что перехватило горло. Он доносился не из динамиков. Он звучал прямо у меня в голове.

— Папа...

Я обернулся. Вайс стоял у входа, бледный, как полотно.

— Вы слышали? — спросил я.

— Я ничего не слышал, — ответил он.

Но я видел по его глазам: он соврал. — Ты слышал, — про-

изнёс я, не сводя глаз с пятна. — Я же вижу. У тебя зрачки расширились, и кадык дёрнулся. Не надо врать мне, Вайс. Здесь, внизу, мы живём враньём, поэтому распознаём его мгновенно.

Элиот Вайс медленно выдохнул. Впервые за всё время нашего знакомства его маска дала трещину. Он шагнул вперёд, но остановился в двух шагах от порога, будто невидимая черта отделяла его от зала.

— Я слышал шум, — сказал он нехотя. — Не голос. Просто... шум. Как будто кто-то провёл мокрым пальцем по стеклу.

— А я слышал голос. Детский. Женский. Она звала папу. Вайс ничего не ответил. Его взгляд был прикован к аномалии, которая продолжала мерно пульсировать, выбрасывая в стороны тонкие нити, похожие на светящиеся вены. Я отвернулся от него и снова сосредоточился на пятне. Рука, которую я видел мгновение назад, исчезла. Теперь в глубине колыхалось нечто иное — очертания лица, размытые, будто нарисованные на мокром асфальте. Черты расплывались, менялись, но я готов был поклясться, что на долю секунды узнал изгиб скулы и разрез глаз. Мира? Или Джина? Может, мой мозг просто дорисовывал то, что хотел увидеть.

Я сделал ещё шаг. Подошёл к куполу настолько близко, что смог коснуться его поверхности кончиками пальцев. Пластик был ледяным, несмотря на тепло в зале. Аномалия за стеклянным барьером вздрогнула, сжалась, а затем рез-

ко развернулась, как хищный цветок, почуявший добычу. Из её центра выстрелил отросток — тонкий, извивающийся, с утолщением на конце. Он ударил по внутренней стороне купола с такой силой, что по прозрачной поверхности пошли трещины.

Я отшатнулся. Вайс схватил меня за плечо и потянул назад.

— Уходим, — процедил он. — Сейчас же. Она почуяла вас.

— Кто — она?

— Аномалия. Или то, что от неё осталось. Вы ей интересны.

Мы отступили к выходу. Дверь закрылась за нами с глухим стуком, отрезав гул и пульсацию. В коридоре снова стало тихо, только где-то в вентиляции по-прежнему шелестел воздух. Я прислонился к стене, переводя дыхание. Лоб покрылся испариной, во рту появился металлический привкус — верный признак выброса адреналина.

— Давно она так реагирует? — спросил я.

— Сначала только на техников. Потом на всех подряд. Но с такой агрессией — впервые. При вас она словно взбесилась.

— Может, ей просто не нравится запах дешёвого виски.

Вайс не оценил шутку. Он поправил узел галстука, хотя тот не нуждался в поправке, и посмотрел на меня долгим изучающим взглядом.

— Господин Тессен, вы уверены, что слышали именно голос? Не шум, не помехи, не игру воображения? Это важно.

— Я знаю, как звучит голос ребёнка, — ответил я жёстче, чем хотел. — Особенно когда он зовёт отца. У меня есть опыт.

Он кивнул, будто ждал именно этого ответа.

— Тогда нам стоит поговорить с господином Штерном. У него есть записи голоса Миры. Вы сможете сравнить.

Мы поднялись на второй этаж. Резиденция внутри оказалась лабиринтом: коридоры, переходы, лестницы, залы с пустыми стенами. Я обратил внимание, что в доме не было ни одной фотографии, ни одной личной вещи. Только свет, пластик, стекло и редкие голографические панели, мигающие беззвучными отчётами. Казалось, здесь никто не жил уже много лет, хотя формально дом считался обитаемым. Цифровые сознания не нуждаются в физическом пространстве — оно им нужно только для престижа, для приёма гостей вроде меня, для создания иллюзии, что у них всё ещё есть что-то общее с миром плоти.

Конрад Штерн ждал нас в кабинете на втором этаже. Его голограмма сидела за массивным столом из настоящего дерева — дорогая вещь, таких теперь не делают. Сам стол, в отличие от хозяина, был совершенно материальным. Я провёл ладонью по столешнице: тёплое, чуть шершавое, пахнет лаком и временем. Штерн заметил мой жест.

— Это дерево — последнее, что осталось от моего перво-

го дома, — произнёс он. — Я сохранил его, когда перешёл в цифровую форму. Глупость, да? Мёртвая органика, которая уже не может давать новые побеги, но продолжает существовать. Я часто смотрю на него и думаю, что мы все — такие же. Обрезки прошлого, вставленные в красивую оправу.

Я не стал отвечать. Голограмма Штерна слегка подрагивала, и в этом подрагивании было что-то жалобное. Он не мог успокоиться — даже цифровая оболочка выдавала его тревогу.

— Расскажите мне о Мире, — попросил я, садясь в кресло напротив. — Какой она была до оцифровки? Чем увлекалась? Кого любила?

Штерн поднял на меня глаза. На его лице отразилось выражение, которое я не сразу распознал. Это была смесь нежности и бесконечной усталости.

— Мира была... необычным ребёнком. Очень живой. Понимаете? Живой не в смысле энергии или темперамента, а в смысле связи с физическим миром. Она любила землю. Не в переносном смысле — она любила копаться в грязи, сажать семена, смотреть, как из них пробиваются ростки. Когда мы переехали наверх, она долго плакала. Говорила, что тут всё ненастоящее. Что даже воздух пахнет пластиком.

Я невольно усмехнулся. Девчонка была права. Верхний ярус действительно пах пластиком, несмотря на все ароматизаторы.

— Она не хотела оцифровываться, — продолжал Штерн.

— Мы откладывали до последнего. Болезнь была агрессивной. Врачи сказали, что если не перенести её сознание в течение недели, наступит смерть мозга. Мира согласилась только после того, как я пообещал ей, что в цифровом мире она сможет создать сад. Любой, какой захочет. С настоящими запахами, с тактильными ощущениями. Она поверила.

— И что случилось потом?

— Сначала было хорошо. Она создала сад. Огромный. Там были цветы, которых не существовало в природе, и деревья с разноцветными листьями. Но через год она перестала выходить из ячейки. Потом совсем замкнулась. А затем начались крики.

Штерн замолчал. Голограмма пошла рябью, исказив его лицо, как отражение в потревоженной воде. Я ждал. Вайс стоял у окна и смотрел на парк, но спина его была напряжена, как натянутый трос.

— Крики были не её, — произнёс наконец Штерн. — То есть голос был её, но кричала не она. Я не знаю, как это объяснить. Это была не боль и не страх. Это было что-то другое. Злоба? Отчаяние? Или... восторг? Не знаю.

— У вас есть эти записи?

— Да. Часть из них удалось сохранить до того, как серверы начали искажать данные. Хотите послушать?

Я кивнул. Штерн взмахнул рукой, и перед столом развернулся голографический экран. Он был мутным, подрагивающим, по нему бежали помехи. Из динамиков полился звук.

Сначала тихий, почти неслышимый — шорох, похожий на дыхание. Потом он усилился, превратился в протяжный стон. А затем — крик. Высокий, резкий, он прошёлся по нервам, как ржавая пила. Я сжал подлокотники кресла. Крик оборвался так же внезапно, как начался, сменившись низким булькающим смехом. Смехом, от которого у меня встали дыбом волосы на затылке.

— Вот это, — произнёс Штерн, — последняя запись. За четыре дня до исчезновения. Дальше серверы фиксировали только шум. А потом — тишина.

Я поднялся, прошёлся по кабинету. В голове пульсировал детский голос, который я слышал в техническом зале. Он не походил на этот крик. Он был другим. Тихим, жалобным, зовущим. Но, может, это и есть ловушка? Аномалия умеет менять голоса, как меняет свою форму.

— Где сейчас её ячейка? — спросил я.

— Она уничтожена, — ответил Штерн. — Точнее, поглощена аномалией. Мы не смогли извлечь из неё ничего. Даже фрагментов.

— А какие-нибудь личные вещи Миры остались? В физическом мире?

Штерн покачал головой.

— Мы всё выбросили. Вернее, переработали. Когда человек оцифровывается, его вещи становятся ненужными. Так принято.

— Принято, — повторил я с горечью. — А если ей захо-

чется вернуться? Если цифровой мир окажется не таким уж раем?

— Вернуться невозможно. Наука ещё не научилась переносить сознание обратно в тело. Клонирование тел — это отдельная тема, но даже клоны не могут принять цифровой разум без отторжения.

Я подошёл к окну. За стеклом простирался верхний ярус: белые башни, зелёные парки, капсулы, скользящие по направляющим. Идеальный мир для тех, кто отказался от страданий плоти. Но там, внизу, за грязной пеленой, жили миллионы, которые не могли позволить себе даже самую дешёвую оцифровку. Они умирали в телах, гнили заживо, корчились от боли. И где-то между этими двумя мирами существовал третий — тот, где цифровой код становился плотью. Хаотично. Мучительно. Как вирус, о котором я ещё ничего не знал.

— Мне нужно поговорить с техником, который сошёл с ума, — сказал я, обращаясь к Штерну. — И ещё мне нужен доступ к логам серверов за последние три месяца. Я хочу увидеть, когда именно начались аномалии и что им предшествовало.

— Логи у вас будут, — ответил Штерн. — А с техником... его имя Отто Келлер. Он в закрытом изоляторе на третьем уровне. Это недалеко от вашего района. Только вряд ли он сможет вам что-то рассказать. Врачи говорят, он в глубоком психотическом состоянии.

— Посмотрим.

Вайс отвёл меня в комнату для гостей. Она располагалась в дальнем крыле и выходила окнами на внутренний двор. Комната была просторной, но пустой: кровать, стол, стул, встроенный шкаф. Ни картин на стенах, ни ковров на полу. Только белый цвет и тишина. Я снял куртку, бросил её на стул, лёг на кровать. Потолок надо мной был идеально гладким, без единой трещины. Я закрыл глаза.

Перед мысленным взором снова встало лицо Джины. Потом оно сменилось лицом Миры, которое я видел в аномалии. Потом — рукой, сжавшейся в кулачок. Потом — криком из записи. Я повернулся на бок, подтянул колени к груди, как делал в детстве, когда в нашем старом доме было холодно. Сон не шёл. Вместо него приходили обрывки мыслей, вопросы без ответов.

Кто мог превратить цифровое хранилище в рассадник органических тканей? Кто украл слепок девочки и зачем? Почему аномалия реагировала на меня так бурно? И чей голос я слышал в зале?

Вайс оставил мне инфолист с логики. Я встал, развернул экран на столе. Данные были сырыми, необработанными, но для меня это было в порядке вещей. Я углубился в чтение. Первые записи о сбоях появились три месяца назад. Они были незначительными: сбои в освещении, ошибки в климатическом контроле, самопроизвольные перезагрузки интерфейсов. Потом начали фиксироваться посторонние сигналы

из ячейки Миры. Они не походили на стандартные пакеты данных. Они имели странную структуру: фрактальную, повторяющуюся на разных уровнях. Аналитики не могли расшифровать их, потому что коды не соответствовали ни одному известному языку.

Затем — аномальные выбросы энергии. Серверы перегревались, но не от нагрузки, а от чего-то, что не поддавалось измерению. Датчики фиксировали изменения в гравитационном поле. Микроскопические, но стабильные. Будто внутри хранилища возникала воронка, искажающая само пространство-время.

Я потёр глаза. В голове начинал складываться узор, но он был ещё слишком зыбким. Нужно было увидеть всё своими глазами. И, возможно, поговорить с безумным техником.

Я поднялся, оделся, вышел в коридор. Резиденция спала, если можно так сказать о доме, где живут только голограммы. Я спустился в холл. Элиот Вайс сидел в кресле у стены. Его глаза были закрыты, но я знал, что он не спит. Он просто ждал.

— Мне нужно съездить в изолятор, — сказал я.

Он открыл глаза, посмотрел на меня, кивнул.

— Капсула вас отвезёт. Но я должен вас предупредить: Отто Келлер опасен. Он не узнаёт людей. Его привязали к койке, потому что он рвёт на себе кожу. Он утверждает, что у него под ней растёт что-то чужое.

— Тем интереснее.

Через полчаса капсула остановилась у здания с тёмными окнами и обшарпанными стенами. Нижний ярус снова принял меня в свои сырые объятия. Я вышел. Здесь пахло гнилью и безнадёгой. Изолятор выглядел как крепость, построенная из обломков корабля: ржавые листы, сварные швы, мигающая вывеска «Психиатрическое отделение № 7». На входе меня встретил санитар с лицом человека, который давно разучился удивляться. Я показал пропуск, выданный Вайсом. Санитар кивнул и повёл меня по длинному коридору.

Отто Келлер находился в одиночной палате. Его привязали к койке широкими ремнями, но даже так он умудрялся дёргаться, будто в припадке. Глаза его были открыты и безумно вращались, не фокусируясь ни на чём. Губы шептали одно и то же слово, снова и снова.

— Мясо... мясо... мясо...

Я подошёл ближе. Опустился на корточки у койки, заглянул в его лицо. Оно было покрыто ссадинами, на щеках запеклась кровь — следы его собственных ногтей.

— Отто, — позвал я негромко. — Ты меня слышишь?

Он замер. Впервые за долгое время его тело перестало дёргаться. Взгляд сфокусировался на мне, и в нём промелькнуло что-то осмысленное.

— Ты... — прошептал он. — Ты пахнешь... как они.

— Кто — они?

— Те, кого она зовёт. Те, кто ещё... цел.

— Кто — она? Мира?

При звуке этого имени Келлер задрожал. Его тело выгнулось дугой, ремни натянулись. Из горла вырвался хриплый вопль. Санитар бросился к нему с ампулой, но я остановил его жестом.

— Скажи мне, Отто. Что ты видел в серверной?

Келлер затих. Его дыхание стало частым, поверхностным. Он облизал сухие губы и посмотрел на меня с мольбой.

— Она говорила со мной, — прошептал он. — Не словами. Образами. Я видел... сад. Красивый сад. Но из земли росли не цветы. Там были... пальцы. И уши. И глаза. Они смотрели на меня. Все смотрели. И она сказала...

Он осёкся. Из уголка его рта потекла струйка слюны.

— Что она сказала?

— Она сказала, что скоро все снова почувствуют. Боль. Холод. Вкус. Запах. Она сказала, что это будет... честно.

Келлер рассмеялся. Смех его был тихим, булькающим, похожим на тот, что я слышал в записи у Штерна. По моей спине пробежал холодок.

— Отто, — продолжал я, стараясь говорить ровно. — А вирус? Ты видел вирус?

Он перестал смеяться. Глаза его наполнились слезами.

— Это не вирус, — ответил он. — Это семя.

И потерял сознание.

Глава 2. Семя в глубине

Изолятор не отпускал меня даже после того, как я вышел на улицу. Его запах — смесь хлорки, застарелого пота и чего-то сладковатого, напоминающего гниющие фрукты, — въелся в одежду, в кожу, в лёгкие. Я стоял на тротуаре, подставляя лицо мелкому дождю, и пытался вытравить из головы слова Отто Келлера. «Это не вирус. Это семя». Слова звучали просто, но за ними пряталась бездна. Семя. Не болезнь, не атака, не сбой. Семя — это то, что должно прорасти. То, что несёт в себе жизнь. Или её извращённое подобие.

Я закурил. Табачный дым обжёг горло, смешался с влажным воздухом, поплыл вниз по улице, цепляясь за ржавые вывески и мокрые стены. Табак был настоящим — я тратил на него слишком много, но это помогало думать. В голове медленно, как шестерёнки в старом механизме, проворачивались детали: аномалия в серверах Штерна, исчезнувший слепок девочки, органические ткани в цифровом пространстве, техник, сошедший с ума, и голос, который я слышал. Тот самый голос, от которого до сих пор ныло где-то под рёбрами.

«Папа...»

Я тряхнул головой, отгоняя воспоминание. Не сейчас. Сначала работа. Потом — всё остальное.

Капсула с тихим гулом опустилась на посадочную пло-

щадку неподалёку. Вайс, как всегда, уже знал, где я. Машина открыла дверь, впустив меня в тёплое нутро с запахом нейтрализатора. Я сел на заднее сиденье, откинулся на подголовник, прикрыл глаза. Перед внутренним взором снова всплыло лицо Отто Келлера, его безумные, налитые кровью глаза и дрожащие губы, шепчущие: «Она сказала, что скоро все снова почувствуют. Боль. Холод. Вкус. Запах. Она сказала, что это будет... честно».

Честно. Какое странное слово. Словно та, что говорила с ним через аномалию, считала цифровое бессмертие ложью. Обманом. Раем для трусов. Я усмехнулся про себя. Может, она была права. Может, все эти богачи, плавающие в идеальных цифровых снах, действительно трусы, сбежавшие от боли, страха и грязи реального мира. Но почему тогда её голос звучал как голос моей дочери? Совпадение? Или кто-то играет со мной, используя мою память как приманку?

Капсула поднялась на верхний ярус. Я снова видел сквозь тонированное стекло, как внизу остаются трущобы, а впереди вырастает ослепительный купол. Контраст был настолько резким, что каждый раз вызывал тошноту. Там, внизу, люди умирали от голода, болезней, насилия. Здесь, наверху, царил стерильная тишина. И всё же именно здесь, среди хрома и стекла, зрело что-то опасное. Что-то, что грозило прорвать границы между двумя мирами.

Когда я вошёл в резиденцию Штерна, меня встретила тишина. Не та уютная тишина, которая бывает в пустом доме,

а гнетущая, плотная, как вата. Голограмма хозяина не появилась. Вайс тоже куда-то исчез. Я постоял в холле, прислушиваясь. Где-то наверху еле слышно шумела вентиляция. В остальном — ни звука. Даже парк за окнами казался застывшим, будто деревья и цветы боялись шевелиться.

Я поднялся по лестнице в технический зал. Дверь была приоткрыта. Изнутри сочился слабый синеватый свет, пульсирующий в такт сердцу. Я толкнул створку и вошёл.

Аномалия разрослась. Теперь она занимала больше половины зала, распластавшись по стенам и потолку, как гигантская плесень. Её нити, похожие на вены, пронизывали стыки панелей, проникали в вентиляционные отверстия, обвивали голографические проекторы. Купол, который раньше сдерживал её, был проломлен в нескольких местах. Из трещин сочилось нечто, напоминающее плазму: оно капало на пол, шипя и оставляя после себя чёрные дымящиеся пятна.

Я остановился у порога. Воздух в зале был тяжёлым, насыщенным озоном и чем-то ещё — металлическим, как запах свежей крови. Сердце забилося чаще. Инстинкты кричали: беги. Но я сделал шаг вперёд. Потом ещё один.

Аномалия отреагировала не сразу. Она словно наблюдала за мной, оценивала. Затем из её центра вырвался отросток — длинный, гибкий, увенчанный подобием бутона. Бутон раскрылся, обнажив внутри нечто белое, блестящее, похожее на глаз без зрачка. Он уставился на меня. Я почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Ты пришёл, — прозвучал голос.

На этот раз он не был в моей голове. Он шёл отовсюду сразу: из динамиков, из стен, из самого воздуха. Детский, мягкий, но с металлическим оттенком. Словно в горле у гогорившей застрял кусок ржавого железа.

— Кто ты? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Отросток качнулся, будто раздумывая. Глаз моргнул, хотя век у него не было.

— Ты знаешь, кто я, — ответил голос. — Ты слышал меня раньше. Ты знаешь.

— Мира?

Смешок. Тихий, шелестящий, как сухие листья на ветру.

— Мира — оболочка. Сосуд. Она дала мне форму, но не содержание. Я старше неё. Я старше всех вас.

Я сделал ещё шаг. Подошва левого ботинка ступила в липкую лужицу, оставленную аномалией. Раздалось шипение, будто я наступил на раскалённый уголь. Я отшатнулся. На полу остался след — тёмный, дымящийся.

— Зачем ты здесь? — продолжал голос. — Ты пришёл, чтобы уничтожить меня? Или чтобы понять?

— Я пришёл, чтобы вернуть то, что украли, — ответил я. — Слепок девочки. Ты знаешь, где он?

— Слепок? — Голос растянул слово, как будто пробуя его на вкус. — Она не была слепком. Она была семенем. И она проросла. Я — её плод. Или, может быть, её цветок. Не важно. Важно то, что она хотела этого. Она хотела, чтобы я ро-

дилась.

Внутри меня что-то оборвалось. Я почувствовал, как пересыхает во рту, как немеют кончики пальцев. Если это правда, если Мира действительно стала частью этой твари, то шансов вернуть её не оставалось. Но был ли шанс остановить саму тварь?

— Что ты такое? — спросил я, глядя прямо в белый глаз.

— Я — возвращение, — ответил голос. — Я — то, от чего вы бежали. То, что вы спрятали в ящики из кода и стекла. Я — плоть, которая помнит. Я — металл, который чувствует. Я — мост между тем, что было, и тем, что будет.

Глаз исчез, закрывшись лепестками. Аномалия колыхнулась, сжалась, а затем выбросила в мою сторону волну энергии. Меня отбросило назад, к стене. Удар вышиб воздух из лёгких. Я сполз на пол, кашляя и хватая ртом загустевший воздух. Перед глазами плясали тёмные пятна. Сквозь них я видел, как аномалия разворачивается, как её щупальца тянутся ко мне, дрожа и извиваясь.

Я выхватил из кобуры под курткой пистолет. Не знаю, что я собирался делать — стрелять в живую массу из кода и плоти казалось безумием, но рефлексы сработали раньше рассудка. Три выстрела. Пули прошли сквозь аномалию, оставив в ней дымящиеся дыры. Дыры тут же затянулись, но аномалия на мгновение замерла, будто удивилась.

Этого мгновения хватило. Я вскочил, бросился к выходу, спотыкаясь о скользкие жгуты, которые уже покрывали пол.

Дверь с шипением захлопнулась за мной. Я прислонился к стене коридора, переводя дыхание. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали.

Из-за двери донёсся смех. Тихий, детский, но в нём не было ничего невинного. Он звучал так, будто смеялась сама пустота.

Я оттолкнулся от стены и пошёл прочь, не оглядываясь. Ноги подкашивались, но я заставлял себя идти. Нужно было убираться из этого места. Нужно было подумать. Нужно было найти того, кто знал больше, чем я.

Элиот Вайс нашёл меня через полчаса в гостевой комнате. Я сидел на краю кровати, сжимая в руках стакан с водой, и смотрел в стену. Он остановился в дверях, окинул меня оценивающим взглядом. На его лице по-прежнему не было эмоций, но в глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Вы ходили туда один, — произнёс он. — Это было неразумно.

— Возможно, — ответил я. — Но теперь я знаю больше.

— Что вы узнали?

— Что аномалия не просто растёт. Она разумна. Она говорит. И она считает себя... возвращением. Мостом. Чем-то, что должно вернуть людям плоть.

Вайс прошёл в комнату, остановился у окна. Он смотрел на парк, но я видел, что мысли его далеко.

— Если она разумна, — сказал он медленно, — то это хуже, чем мы предполагали. Разумная аномалия может плани-

ровать. Она может распространяться целенаправленно.

— Она уже это делает. Я видел, как её щупальца проникают в вентиляцию. Она выходит за пределы зала.

Вайс повернулся ко мне. Лицо его стало ещё более серьёзным.

— Тогда мы должны действовать быстрее. Господин Штерн не может ждать. Если аномалия захватит серверы полностью, связь с его цифровым домом будет потеряна.

— А если она уже захватила?

Вайс покачал головой.

— Пока нет. Но это вопрос времени.

Я поднялся, подошёл к столу, где лежал мой инфолист. Включил его, развернул схему технического зала. Пульсирующая масса на голограмме увеличилась в размерах, расползлась по всему помещению и уже касалась соседних отсеков. Я провёл пальцем по маршруту, который мы с Вайсом прошли утром. Аномалия шла за мной. Или, может быть, я просто оказался в нужном месте в нужное время.

— Мне нужен доступ к архивам, — сказал я. — К регистрационному управлению. Вы обещали это.

— Да, — ответил Вайс. — Я помню. Но сейчас не время для личных дел, господин Тессен. Аномалия распространяется с каждой минутой.

— Именно поэтому мне нужны архивы, — возразил я. — Если я пойму, кто создал эту тварь, я смогу остановить её. А для этого мне нужно кое-что проверить.

Вайс смотрел на меня долгим взглядом. Затем медленно кивнул.

— Хорошо. Я организую доступ. Но сначала вы должны поесть и отдохнуть. Вы выглядите... измотанным.

Я хотел возразить, но понял, что он прав. Сил почти не оставалось. Я кивнул. Вайс вышел, оставив меня одного. Я снова сел на кровать, допил воду, лёг. Потолок всё так же был идеально гладким. Но теперь мне казалось, что он слегка колыхается, будто дышит.

Я закрыл глаза. Сон пришёл быстро, как удар. Мне снился сад. Огромный, залитый золотым светом. Деревья сгибались под тяжестью плодов, но плоды были необычными: вместо яблок на ветвях висели человеческие уши, вместо груш — глаза, вместо слив — языки. Они покачивались на ветру, и каждый из них шептал одно и то же слово. «Папа... папа... папа...»

Я проснулся в холодном поту. За окном было темно. Часы на стене показывали три часа ночи. Я сел, свесил ноги на пол, обхватил голову руками. Сон был настолько ярким, что я всё ещё чувствовал запах сада — сладкий, приторный, с примесью гнили. Меня мутило.

Я подошёл к умывальнику, умылся ледяной водой, посмотрел на себя в зеркало. Из темноты на меня глядело лицо человека, которого я больше не узнавал. Глаза ввалились, щёки покрылись щетиной, на висках появились новые седые волосы. Я провёл рукой по подбородку. Шрам, старый, за-

рубцевавшийся, напоминал о прошлом. О том, кем я был до того, как потерял Джину.

В дверь тихо постучали. Я открыл. За порогом стоял Вайс с подносом в руках. На подносе — тарелка с горячей едой: что-то вроде тушёного мяса с овощами, кусок хлеба, стакан сока. Пахло на удивление аппетитно.

— Вам нужно поесть, — произнёс он. — Мы выезжаем через час. Я подготовил капсулу и документы для архива.

Я взял поднос, поставил на стол. Вайс не уходил. Он стоял в дверях, будто ждал чего-то.

— Что-то ещё? — спросил я.

— Господин Штерн хотел бы поговорить с вами перед отъездом. Он ждёт в кабинете.

— Сейчас.

Я быстро поел, не чувствуя вкуса. Еда была качественной, но организм не принимал её — куски застревали в горле. Я заставил себя доесть, запил соком. Затем оделся, сунул в кобуру пистолет, проверил заряд. Всё было на месте. Я вышел в коридор.

Кабинет Штерна освещался одной-единственной лампой на столе. Голограмма хозяина сидела за столом, подперев голову рукой. Когда я вошёл, он поднял глаза. В них было столько боли, что я на мгновение отвёл взгляд.

— Вы снова были там, — произнёс он. — В техническом зале. Вы видели её.

— Я видел аномалию, — ответил я, садясь напротив. —

И я слышал голос. Он назвал Миру «семенем». Сказал, что она дала ей форму.

Штерн вздрогнул. Его голограмма пошла рябью, исказив черты лица.

— Значит, моя дочь... она больше не существует?

— Возможно, она существует, но не как Мира. Она стала частью чего-то большего. Чего-то, что называет себя возвращением.

— Возвращением, — повторил Штерн. — Возвращением плоти?

— Похоже на то. Эта тварь хочет вернуть людям тела. Но не так, как вы думаете. Она хочет, чтобы все снова чувствовали боль, холод, страх. Она считает цифровое бессмертие ложью.

Штерн закрыл лицо руками. Плечи его затряслись. Я сидел молча, не зная, что сказать. Он плакал. Или, может быть, его голограмма имитировала плач. Какая разница? Боль была настоящей.

— Простите меня, — прошептал он сквозь пальцы. — Простите... Я думал, что спасаю её. А на самом деле... я отдал её чему-то...

Он не договорил. Голограмма погасла. Я остался в кабинете один. За окном занимался рассвет: серый, мутный, как разведённая в воде грязь. Я подошёл к окну, посмотрел на парк. Деревья стояли неподвижно, но мне показалось, что на их ветвях что-то шевелится. Слишком высоко, чтобы разгля-

деть. Я задержал взгляд на одном из деревьев. Ветви дрогнули. И в этой дрожи я увидел нечто, от чего перехватило дыхание: на месте одного из плодов, которые я заметил раньше, теперь висел маленький белый глаз. Он смотрел прямо на меня.

Я отшатнулся от окна. Сердце забилося как бешеное. Галлюцинация? Или аномалия уже добралась до парка?

Не дожидаясь ответа, я выбежал из кабинета. Вайс ждал у выхода из резиденции. Капсула стояла у крыльца, мягко гудя.

— Что с вами? — спросил Вайс, заметив моё состояние.

— Потом, — бросил я. — Едем.

Мы сели в капсулу. Дверь закрылась, отрезав нас от парка и белых глаз на деревьях. Капсула рванула вниз, к нижним уровням. Я смотрел в окно, но видел не серые трущобы, а тот сад из сна, полный ушей, глаз и языков. И голос, зовущий меня. «Папа...»

Архив регистрационного управления располагался в подземном бункере на глубине пятидесяти метров. Здесь было холодно, сухо и пахло старой бумагой, хотя никакой бумаги в этом месте не существовало уже лет шестьдесят. Нас встретил смотритель — сутулый старик в сером комбинезоне, с очками, сползшими на кончик носа. Он долго изучал пропуск, потом кивнул и повёл нас по длинному коридору, заставленному стойками с серверами. Серверы тихо гудели, перемигивались зелёными огоньками. Здесь хранились

записи обо всех, кто когда-либо имел органическое тело. И среди этих записей — возможно — было имя моей дочери.

— Кого ищете? — спросил смотритель, не оборачиваясь.

— Ребёнка, — ответил я. — Девочка, двенадцать лет. Умерла семь лет назад. До оцифровки дело не дошло.

Смотритель остановился у одной из стоек, провёл ладонью по панели. Вспыхнул голографический экран с поисковой строкой.

— Имя?

— Джина Тессен.

Он ввёл данные. Система задумалась, запрашивая подтверждение доступа. Вайс стоял рядом, не вмешиваясь. Я ждал, затаив дыхание.

Наконец экран моргнул и выдал результат: «Запись не найдена».

Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Не найдена. Столько лет поисков — и ничего.

— Попробуйте по-другому, — сказал я. — Мать: Тессен, Анна. Отец: Тессен, Марк. Дата рождения...

Смотритель ввёл новые данные. Снова «Запись не найдена». Я сжал кулаки. В висках стучало.

— Этого не может быть. Она существовала. Я помню её. Я помню...

Я осёкся. Вайс положил руку мне на плечо.

— Возможно, записи были стёрты, — произнёс он. — Или повреждены. Или... их никогда не вносили.

— Что значит — никогда не вносили?

— Система работает с перебоями после последнего обновления. Некоторые данные теряются. Особенно те, что касаются нижних уровней.

— Мне нужно найти её, — сказал я, глядя на пустой экран. — Это важно. Очень важно.

Смотритель смотрел на меня сочувственно. Он видел таких, как я, много раз. Людей, потерявших близких и ищущих хоть какую-то нить, соединяющую их с прошлым. Он вздохнул, снял очки, протёр их рукавом.

— Есть один способ, — произнёс он тихо. — Но он... неофициальный.

— Какой?

— Глубинный архив. Там хранятся черновые копии записей, которые не прошли финальную обработку. Иногда там находятся те, кого нет в основной базе. Но доступ к нему ограничен.

— Мне нужен этот доступ.

Смотритель покачал головой.

— Это не в моих полномочиях.

— Тогда кто может помочь?

Он наклонился ближе, понизил голос:

— Есть один человек. Техноархивариус с нижних уровней. Её зовут Кассандра Витт. Она знает ходы, о которых не пишут в официальных отчётах. Если кто и сможет найти вашу дочь, так это она.

— Как её найти?

— Чёрный рынок, сектор семь. Спросите у торговца по имени Гнус. Он сведёт.

Я кивнул, поблагодарил зрителя и направился к выходу. Вайс следовал за мной. В голове крутилась мысль: если Джина существует в черновых записях, значит, кто-то сознательно стёр её из основной базы. Кто-то, кому было выгодно, чтобы я её не нашёл.

И, возможно, этот кто-то знал о том, что случилось с Мирой Штерн. Мы вышли из бункера архива в серый рассвет нижнего яруса. Дождь прекратился, оставив после себя лужи, в которых отражались неоновые вывески и ржавые балконы. Воздух был холодным и влажным, пах мокрым асфальтом и прогорклым маслом. Я шагал быстро, не оглядываясь. Вайс держался чуть позади, его шаги были бесшумными, но присутствие ощущалось как тень за спиной. Он ничего не спрашивал — и я был благодарен ему за это. Мне нужно было переварить услышанное.

Запись о Джине не найдена. Семь лет поисков — и снова пустота. Но теперь у меня появилась зацепка: черновые копии, глубинный архив, Кассандра Витт. Если хоть один фрагмент данных о моей дочери уцелел, я должен его найти. Не только ради себя. Я начинал подозревать, что между исчезновением Джины и аномалией, пожирающей серверы Штерна, существует связь. Слишком много совпадений. Слишком много намёков. И голос, который звал меня «па-

па», был не просто игрой больного воображения. Аномалия знала, к кому обращаться.

— Сектор семь, — произнёс Вайс, когда мы остановились у перекрёстка. — Это в тридцати минутах ходьбы. Можно вызвать капсулу, но лучше пройти пешком. Там не любят, когда приезжают на верхнем транспорте.

— Вы хорошо знаете эти места, — заметил я.

— Я много лет работаю на господина Штерна. Приходилось бывать в разных районах.

Мы двинулись по узким улочкам, зажатым между обшарпанными стенами. Вокруг кипела жизнь, невидимая с верхних ярусов: торговцы раскладывали на ящиках товар, старухи варили что-то в чадящих котлах, дети гоняли ржавый обруч по булыжной мостовой. Всё было ветхим, изношенным, но настоящим. Запахи ударяли в нос: жареный лук, пот, дешёвый табак, сырость подвалов. Я вдруг поймал себя на мысли, что здесь, в этой нищете, дышу легче, чем в стерильных залах резиденции Штерна. Может, потому, что здесь всё было честно. Никаких голограмм, никаких цифровых снов. Только плоть, кровь и грязь.

Сектор семь встретил нас шумом. Чёрный рынок занимал целый квартал, раскинувшись под нависающими перекрытиями старого завода. Толпа текла между рядами, как река: люди в грязных плащах, с капюшонами, лица скрыты полумасками. Кто-то торговался, кто-то просто глазел, кто-то сбывал краденое. Голоса сливались в сплошной гул, прорезаемый

выкриками зазывал и лаем бездомных псов.

Вайс шёл рядом, его серый костюм выглядел здесь как пятно на чистом листе, но никто не обращал на нас внимания. Здесь умели не видеть чужаков, особенно если они не лезут в чужие дела. Мы миновали ряды с контрабандными имплантатами, с ворованными чипами памяти, с запрещёнными нейрошунтами. Пахло палёной изоляцией и гнилым мясом. Я держал руку у кобуры, но пока всё было тихо.

Гнуса я нашёл у стены, где он сидел на перевёрнутом ящике, обмотанный вонючим одеялом. Это был маленький человек с крысиным лицом, бегающими глазами и редкими жёлтыми зубами. Он почесал щеку, посмотрел на нас снизу вверх.

— Чего надо? — спросил он, растягивая слова.

— Говорят, ты знаешь всех, кто что-то знает, — сказал я, присаживаясь рядом. — Мне нужна Кассандра Витт.

Гнус хмыкнул. Его глаза метнулись к Вайсу, потом снова ко мне.

— Кассандра... — протянул он. — А зачем она тебе? Долги? Слепки? Стирание данных?

— Нужна информация из глубинного архива.

Он почесал подбородок, сплюнул на землю.

— Это дорого. Кассандра не работает с кем попало. Но если ты тот самый Тессен, о котором шепчутся внизу, то, может, она и согласится.

Я напрягся. Откуда он знает моё имя? Вайс слегка сдви-

нулся, готовый к действию. Но Гнус лишь ухмыльнулся, показав гнилые зубы.

— Не дёргайтесь, голуби. Слухи быстрее пули. Тебя ищут, Тессен. Кто-то из верхних уже спрашивал. Так что Кассандра, может, и сама захочет с тобой поговорить.

— Кто спрашивал?

— Не знаю. Высокий, в сером костюме, с чёрным галстуком. Похож на этого, — он кивнул на Вайса. — Только другой.

Я бросил взгляд на Вайса. Тот стоял неподвижно, но в его глазах мелькнуло лёгкое недоумение. Он покачал головой.

— Я не посылал никого вниз.

— Значит, есть ещё кто-то, кто интересуется мной, — пробормотал я. — Ладно. Где найти Кассандру?

Гнус вытащил из-под одеяла засаленный инфокристалл, протянул мне. Я взял. Кристалл был тёплым, жирным на ощупь.

— Она на бывшей фабрике по переработке органики, третья платформа, вход через старый трубопровод. Но лучше не ходи один. Там... беспокойно.

— Что значит — беспокойно?

— Последние дни в том районе люди пропадают. Или возвращаются не в себе. Бормочут про сад, про глаза на деревьях. Может, и лучше тебе туда не соваться.

Я переглянулся с Вайсом. Сад. Глаза на деревьях. Похоже, аномалия уже проросла и в нижние уровни.

— Пойдём, — сказал я, поднимаясь.

Гнус схватил меня за рукав.

— Ещё кое-что, Тессен. Если найдёшь её, скажи, что Гнус свой долг отдал. И пусть она больше не шлёт ко мне своих пауков.

— Каких пауков?

Но он уже отвернулся, закутался в одеяло и замолчал, будто и не было нашего разговора.

Мы направились к восточной окраине сектора, туда, где заводские корпуса сливались с руинами старых очистных сооружений. Путь лежал через пустыри, заваленные ржавыми бочками и обломками дронов. Ветер гнал по земле обрывки плёнки, которые цеплялись за мои ботинки. Вайс молчал, но я чувствовал его напряжение. Даже он, привыкший ко многому, нервничал в этом месте.

— Вы верите в совпадения? — спросил я, не оборачиваясь.

— Верю в закономерности, — ответил он. — Совпадения — это те же закономерности, только с неизвестными нам причинами.

— Тогда скажите: зачем кому-то стирать записи о моей дочери и одновременно создавать аномалию, которая называет меня «папой»?

Вайс не ответил. Его молчание было красноречивее любых слов.

Бывшая фабрика возвышалась перед нами, как мёртвый

зверь, оплетённый ржавыми трубами и осыпающейся кладкой. Окна были выбиты, но в глубине здания мерцал тусклый свет. Мы обошли главный корпус, нашли старый трубопровод, о котором говорил Гнус. Отверстие было затянуто пластиковой плёнкой, за которой угадывался спуск. Я отодвинул плёнку, вдохнул сырой воздух, пахнувший тиной и гнилью.

— Я пойду первым, — сказал я.

Вайс кивнул, достав из-под пиджака компактный пистолет с глушителем. Его движения были быстрыми и точными, как у человека, который не раз бывал в переделках.

Мы поползли по трубе. Она была узкой, изнутри покрытой скользким налётом. Где-то капала вода, эхо разносило каждый звук. Луч моего налобного фонаря выхватывал из темноты ржавые заклёпки и мох, свисающий со стыков. Через несколько метров труба расширилась, и мы выбрались на площадку, заваленную кучами оплавленного пластика и обрывками проводов.

Впереди, за поворотом, горел свет. Тёплый, жёлтый, как от свечи. Я махнул Вайсу, чтобы он оставался на месте, и осторожно двинулся вперёд. Свет становился ярче, слышался тихий стрекот, будто где-то работал древний принтер. Я завернул за угол и замер.

Комната, в которую я попал, была похожа на логово безумного учёного: стены увешаны пучками кабелей, потолок усеян датчиками, на столах громоздились разобранные

серверные блоки, экраны, мигающие непонятными кодами, и банки с плавающими в мутной жидкости образцами. В центре, на высоком стуле с подлокотниками, спиной ко мне сидела женщина. Её седые волосы были собраны в небрежный пучок, из которого торчали тонкие провода, уходящие в стоящий рядом прибор. Она что-то печатала на виртуальной клавиатуре, и перед ней разворачивались голографические схемы, похожие на переплетения вен и корней.

— Входите, господин Тессен, — произнесла она, не оборачиваясь. — И скажите вашему спутнику, чтобы он не целился мне в затылок. Я не люблю, когда у меня за спиной оружие.

Я вздрогнул. Её голос был низким, с хрипотцой, как у заядлой курильщицы. Вайс, стоявший позади, опустил пистолет, но я видел, что он остался настороже.

— Вы Кассандра Витт? — спросил я, делая шаг вперёд.

Женщина развернулась на стуле. Ей было лет пятьдесят или больше, но глаза, ярко-зелёные, с вертикальными зрачками, как у кошки, были молоды и цепки. На лице — глубокие морщины, кожа бледная, почти белая. От неё исходил лёгкий запах озона и сушёных трав.

— Кассандра, — поправила она. — Или просто Витт. Терпеть не могу своё полное имя. Вы пришли из-за Джины. Садитесь.

Я опустился на шаткий табурет напротив неё. Вайс остался у входа, слившись с темнотой. Витт окинула меня изуча-

ющим взглядом, затем повернулась к приборам, что-то переключила. Стрекот усилился.

— Гнус сказал, что ты можешь найти записи, которых нет в основной базе, — начал я.

— Гнус много болтает, но иногда попадает в точку, — ответила она. — Записи есть. Черновые копии регистрации за последние семьдесят лет. Они хранятся в изолированных ячейках, о которых не знает даже смотритель архива. Но зачем тебе девочка, которую официально никогда не существовало?

— Она существовала. Она моя дочь.

Витт усмехнулась. Её кошачьи зрачки сузились.

— Люди часто верят в то, что им удобно. Но данные не врут. Я вижу, что запись о Джине Тессен была создана, а затем удалена с использованием высокоуровневого доступа. Кто-то очень постарался, чтобы её не стало.

— Кто?

— Не знаю. Но я могу попробовать восстановить фрагменты. Это займёт время.

— Сколько?

— Может, час. Может, сутки. Здесь всё зависит от того, насколько глубоко её стёрли. Но есть одна проблема.

— Какая?

Витт встала, подошла к стене, увешанной экранами, ткнула пальцем в один из них. На экране появилось изображение: карта нижних уровней, на которой светились красные точки.

Одна из них пульсировала недалеко от нас.

— Твой визит привлёк внимание. Аномалия распространяется. Она тянется за тобой, как собака по следу. Ещё немного — и она будет здесь. Тогда о восстановлении записей можешь забыть.

Я посмотрел на карту. Красная точка медленно, но верно приближалась к фабрике. Позади неё оставались тёмные участки, будто реальность там выцветала.

— Она следует за мной?

— Она следует за тем, кто ей интересен. Возможно, это ты. Возможно, Вайс. Но скорее всего — ты. Она зовёт тебя. Ты слышал её голос?

Я промолчал, но по моему лицу Витт всё поняла.

— Тогда у нас мало времени, — произнесла она. — Я начну восстановление, а ты пока расскажешь мне всё, что знаешь об аномалии. Всё, без утайки. Иначе я не смогу помочь.

Я посмотрел на Вайса. Тот едва заметно кивнул, разрешая говорить. И я начал рассказывать. О серверах Штерна, о пропавшем слепке Миры, о тканях, прорастающих сквозь код, о технике, сошедшем с ума, о голосе, назвавшемся «возвращением». Витт слушала молча, не перебивая, только изредка что-то переключала на своих приборах. Когда я закончил, она долго молчала, глядя на меня с выражением, в котором смешались ужас и любопытство.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила она наконец.

— Нет. Поэтому я здесь.

— Это не просто аномалия. Это процесс. Кто-то запустил программу, которая переписывает цифровую материю в органическую. И эта программа... она сознательна. Она выбирает жертв. Она растёт. И она ненавидит цифровое бессмертие.

— Откуда ты это знаешь?

Витт поднялась, подошла к запертому шкафу, открыла его. Внутри лежал прозрачный контейнер, в котором плавало нечто, похожее на эмбрион, опутанный проводами. Оно слабо пульсировало.

— Это фрагмент аномалии, который я вырезала у одного из пострадавших. Я изучаю его уже две недели. И он поёт.

— Поёт?

— Да. Если подключить его к декодеру, можно услышать последовательность. Это не случайный шум. Это код. И он повторяет одну и ту же фразу: «Семя должно прорасти».

Я почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Семя. Снова это слово.

— Отто Келлер сказал то же самое, — произнёс я.

— Келлер? Техник, который сошёл с ума?

— Он назвал это не вирусом, а семенем.

Витт побледнела. Её кошачьи глаза расширились.

— Тогда всё хуже, чем я думала. Вирус можно вылечить. Семя нельзя. Его можно только уничтожить вместе с почвой, в которой оно проросло.

— И что за почва?

— Цифровая среда. Серверы. Те, кто оцифрован. Они — питательная среда. Аномалия питается их сознаниями, перерабатывает их в... органы? Плоть? Не знаю. Но одно ясно: если она доберётся до основного хранилища верхнего яруса, где спят миллионы оцифрованных, начнётся хаос.

Я поднялся. В голове шумело. Вайс выступил из тени, его лицо было мрачным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.